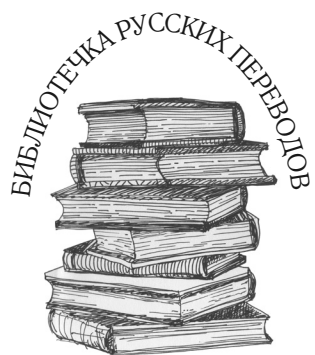

ВѢСТНИКЪ
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

Май 1898 г.

С. ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ БР. ПАНТЕЛЕЕВЫХЪ, ВЕРЕЙСКАЯ 16.

1898.

Марсель Прево

Осень женщины

RUGRAM

Москва
2023

УДК 821.133.1
ББК 84(4)
П71

Eugene Marcel Prevost
L'autômne d'une femme(1893)
Осень женщины
Пер. с французского (1893)

Прево, Марсель.
П71 Осень женщины: роман / Марсель Прево ; [пер. с франц.]. – М. :
Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. – 326 с. – (Библиот-
ечка русских переводов).

ISBN 978-5-517-09973-0

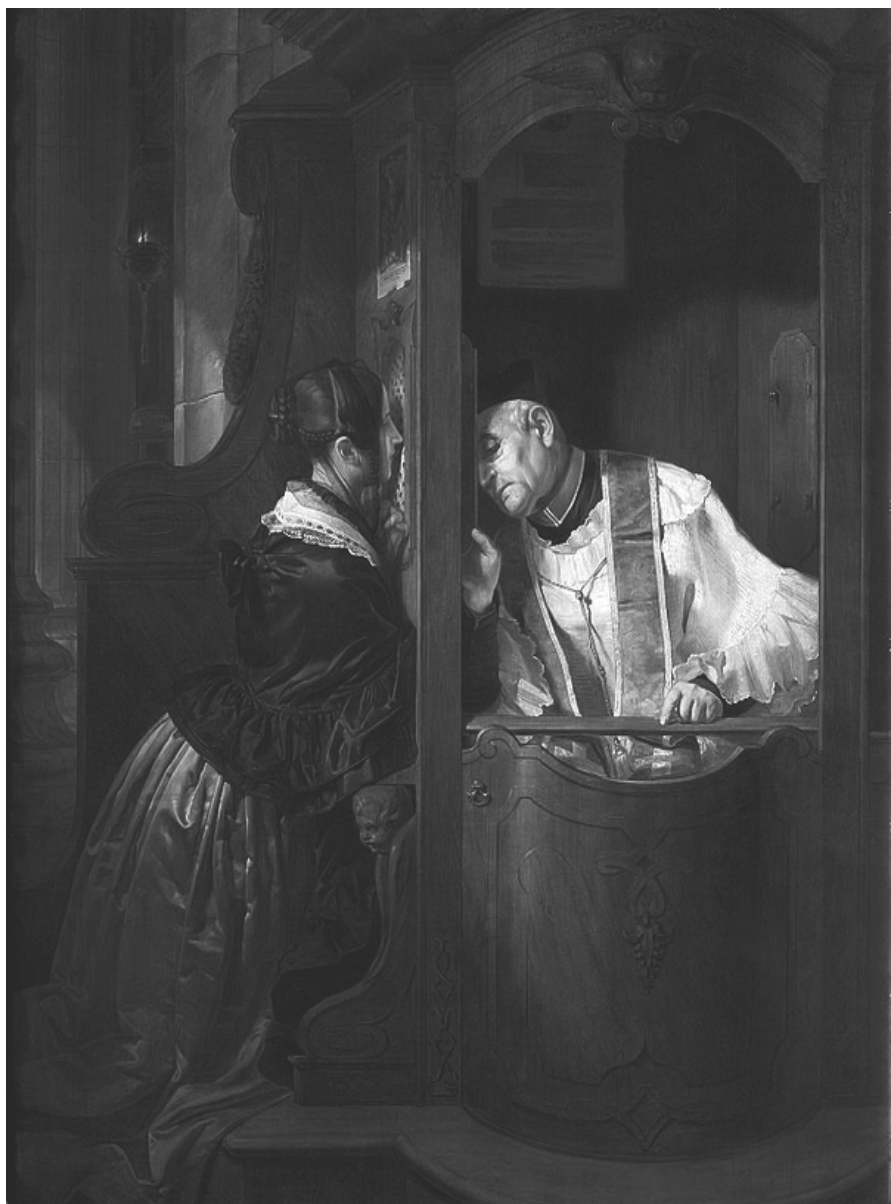
Роман Прево для ценителей изящной филигранной французской прозы. Погружение в мир чувств и эмоций, любовных переживаний. Характеры персонажей разобраны по ниточкам и разложены по полочкам, всё филигранно, всё тонко. Зафиксирован каждый оттенок ощущений, каждый трепет души.

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-09973-0

© Подготовка текста, Издатель
Иванов В.Ю., 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

Осень женщины

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Вблизи больших приходских церквей, открытых для народной молитвы, в каждом из лучших кварталов Парижа есть более роскошные капеллы, где светская набожность может беседовать с Богом. Так, в предместье Сен-Жермен находится убежище Иисуса, в Севрской улице; в Елисейских полях — доминиканская капелла, в аллее Фридланд; в Монсо — Барнабитская община, в улице Лежандр, а в Европейском квартале, в улице Турин, — красивая капелла в стиле рококо.

Эта капелла принадлежит женской общине сестер Редемтористок и основана в последнем столетии маркизой Сент-Ивер-Леруа. Сестры этой общины избираются исключительно из богатейшего класса населения; они не ухаживают за больными, не навещают бедных. Они занимаются обучением нескольких учениц, избранных, как и они сами, из лучшего общества. Основательница общины предписала им роль библейской Марии в доме Лазаря: поклонение у ног небесного Учителя. На алтаре, блистающем изумрудами перед иконой, изображающей поклонение волхвов, бледный овал напрестольной чаши сверкает бесконечным блеском среди лучей потира. Сестры Редемтористки в белоснежных одеждах, перетянутых золотыми поясами, и в голубых бар-

хатных накидках стоят парами по очереди в немом обожании перед образом. Когда одни устают, на смену им приходят другие.

Глубокая тишина царит в капелле; сквозь толстые стены и металлические двери не проникает городской шум. Да и улица смежная с Берлинской, в той части, где находится монастырь, не отличается особенным оживлением.

Весьма редко случается, чтобы капелла была пуста даже не в служебные часы, и чтобы силуэты парижанок не выделялись среди скамеек. Они охотно приходили сюда пешком, как на таинственное свиданье. Кто из светских женщин Парижа не помнит за собою этих неожиданных порывов набожности, этой потребности сердечной исповеди? О, что за удивительные милости вымаливают эти затянутые в перчатки ручки, прижатые к закрытому вуалью лицу! И какое благовоение должно подниматься к небу от этих маленьких восковых свечей, поставленных на алтаре! Какие безнадежные призывы остывающей любви смешиваются здесь с искренними угрызениями совести! И какой должен быть там, наверху, добрый и внимательный Бог, чтобы отделять хорошее семя от плевел.

По всей вероятности, дама, подъехавшая в карете к капелле на улице Турин в октябрьский дождливый день, не принадлежала к числу подобных кающихся.

Едва войдя, она тотчас же опустилась на колени около одной из последних скамеек, под хорами и, вероятно, очень торопилась молиться или, подобно мытарю, не дерзала идти вперед в дом своего Господа. Долго стояла она так, то закрыв лицо руками, то скрестив их в позе Беатриче Розетти и устремив взгляд на освещенный клирос. Как и всег-

да, алтарь был весь залит золотистым светом и на последней ступеньке на коленях стояли две неподвижные статуи в белоснежных одеждах, опоясанных золотыми кушаками и в голубых накидках.

Дождь скрадывал последний дневной свет; капелла погружалась в темноту. Послушница вышла из ризницы, держа в руках светильник; плавной походкой спустилась она со ступеньки на ступеньку и стала зажигать газ в лампах. Когда последняя была зажжена над головою молившейся женщины, та, как будто удивилась и быстро подняла голову. Ее взгляд встретился с глазами послушницы; они обменялись скромной знакомой улыбкой. Тою же плавной походкой сестра удалилась, подымаясь на ступеньки клироса; прихожанка хотела еще молиться, но яркий свет вместе с темнотою спугнул и молитвенное настроение, напрасно она хотела вернуть его, ей не удалось это, и она задумалась. Глаза ее рассеяннo блуждали, а лицо было освещено газовым шаром, горевшим над ее головою.

Элегантность туалета и умение декорировать свою красоту напоминали в ней общий тип светской парижанки, и под этой личиной скрывался настоящий возраст женщины. Во всяком случае это была женщина не очень молодая, хотя, наверное, молодая в том снисходительном смысле, какой Париж придает этим словам. Ее светло-каштановые волосы, заколотые золочеными шпильками, и едва прикрытые легкой наколкой, отличались каким-то молодым оттенком. Темная вуалетка закрывала ее приятное лицо с несколько крупными чертами, напоминавшими итальянский тип: нежный подбородок, крупные губы, прямой нос и низкий лоб; словом это было лицо девушек, черпающих воду в цистернах Альбано

или Неми. Так как в капелле было вовсе не холодно, то молодая женщина спустила свою накидку на спинку скамьи, причем обрисовывалась вся ее изящная, роскошная фигура. На открытую, белую шею падали завитки волос; подбородок отличался округленной полнотой. На ней было фуляровое платье вишневого цвета, а вместо корсажа такая же свободная кофточка, у ворота и на рукавах отделанная черными кружевами. Свободно драпируя спину и грудь, кофточка была перетянута черным кушаком и выказывала талию, слишком тонкую сравнительно со всей фигурой.

Надо было быть слишком рассеянным или сосредоточенным человеком, чтобы, проходя мимо нее, не взглянуть на нее. Это была женщина в полном расцвете красоты, развившейся с годами, из бутона превратившейся в пышную розу. Но привлекательнее всего были ее глаза. Вся душа светила в этих почти голубых, но в то же время и не вполне голубых глазах. Они были такого металлического цвета, которому нет названия.

Да, вся душа этой женщины сосредоточилась в глазах, когда она подняла их к Утешителю страждущих, беспокойных, измученных, к этому Богу — покровителю влюбленных, каким женщины любят воображать Его. Эти глаза светились необыкновенной невинностью и придавали всему лицу выражение почти детское, удивленное, подобное тому, какое светится на лицах маленьких девочек, когда они в полдень выходят из школы, болтая и держа друг друга за руки.

В этих глазах искрилась также и неудержимая нежность, страстное желание помочь, любить, раздавать, как милостыню, сокровища сердца.